

Срок годности

— Нет. Забудь. Просто выброси из головы. Нет.

— Вот каждый раз ты так говоришь! Что бы я ни предложила.

— И я каждый раз прав.

Катя прищурилась. Ани понял, что сейчас она припомнит случай, когда он оказался неправ, а потом ещё один и ещё. У неё хорошая память и ясный ум. И с каждым днём она становится всё умнее. Трудно управлять младшей сестрой, если она умнее тебя. Особенно Катей.

Ани незаметно наступил одной ногой на другую, чтобы не стучать. Ему хотелось крикнуть: «Катька! Прекрати!» — но в то же время не хотелось позорить сестру, потому что нет ничего обиднее, чем брат, который отчитывает тебя прилюдно. Ани наклонился вперёд и посмотрел Кате в глаза.

— Мы не будем угонять робота, — сказал он, стараясь вложить в голос весь авторитет. Потом осёкся, посмотрел по сторонам и перешёл на шёпот:

— Ты с ума сошла? Хочешь под статью?

— Это не угон! — прошептала Катя, наклонившись навстречу брату. — В том-то и дело. Этот робот ничей!

— Такого не бывает!

— В прошлый раз ты говорил, что не бывает бесплатных покемонов. А я выиграла. Двух! А в позапрошлый...

— Это другое! Господи, как тебе объяснить? — Ани положил на стол недоеденный чизбургер и распрямился. Брат — длинный и сутулый — обычно напоминал вопросительный знак, который старательно притворялся восклицательным, но при этом Катя всё равно чувствовала, как он нависал над ней в конце каждой фразы: «Ты поела? Ты заправила постель?»

— Бывают ещё бесплатные деньги, — сказал Ани. — Нужно только банк ограбить. Как ты не понимаешь! Одно дело — спеть на конкурсе, а другое — угнать роб... Слушай, мы можем обсудить это не на людях?

— Нет, я специально позвала тебя сюда, чтобы ты не успел меня отговорить.

Ани подпрыгнул на стуле и стал озираться.

— Не верти головой! — прошипела Катя. — Да, он здесь.

— Ну ты... ты!

Ани замолчал: он не умел подбирать слова с лёту и в споре часто замолкал, шевеля губами, — за это его в школе даже прозвали зайкой, хотя он никогда,

собственно, не заикался. У Кати загорелись глаза, будто она начала выигрывать в «Монополию». В «Макдональдсе» было не очень светло, но он знал, что у неё чуть порозовели кончики ушей — это означало, что Катя в азарте. Никто этого не знал, кроме него. Даже она сама.

— Дай ещё раз объясню, — сказала Катя. — У него перебит заводской адрес. Это как машина с фальшивыми номерами.

— С фальшивыми номерами! — всплеснул руками Ани.

— Да погоди! Ведь не мы же поддельываем номера. У робота уже перебит адрес. У него нет контактов хозяина. Он никогда не вернётся домой. У него есть только программа действий и команда подойти в условное место.

— Это зачем такое делают?

— Ну, скажем, человек покупает оружие, пистолет...

— У этого робота пистолет?!

«Хорошо, что отложил бургер. Поперхнулся бы», — подумал Ани. Он почувствовал, что его ладони вспотели, и как бы невзначай спрятал руки под стол.

— Не знаю. Нет. Не в этом дело, — отмахнулась Катя. — Не перебивай! Допустим, робот покупает что-то запрещённое. Потом идёт в условное место. Хозяин робота приходит туда же. Если робота не поймали и за ним нет слежки, то всё чисто. Можно подобрать. А если нечисто, то всегда можно сказать, что он

не твой. Понимаешь? Номер-то перебит. Так вот, случается, что робота отправляют на задание, а хозяин потом не приходит на встречу. И робот выпадает из системы. Он не в розыске, потому что его никто не ищет. Хозяин не предъявит на него прав, потому что права привязаны к номеру. Может, хозяин скрывается. Или умер уже. Робот просто слоняется, пока не придёт в негодность. Но мы можем его забрать себе.

— Так. Угу. Угу. Понятно. А малиновый берет ты напялила зачем? Чтобы нас легче было запомнить и опознать?

— Не слушаешь меня совсем? Я такую схему нашла...

— Ты правда думаешь, что первая до неё додумалась? Ты в пятнадцать лет дошла своим умом, а всяческие угонщики и противоугонщики — нет?

— Эй. Я, между прочим, работаю во второй по величине...

— По-твоему, я не знаю, где ты работаешь?

— Конечно, знаешь! Устроил, не спросив... Твоё вонючее программирование и твои вонючие роботы. И твоё вонючее тестирование программного обеспечения.

— Ну что такое? — поморщился Ани.

— Ой-ой-ой, старший брат учит меня вежливости. Нельзя говорить «вонючий». Нужно говорить: «Мне кажется, у этого сырка истёк срок годности».

Так вот, мне кажется, у твоего программирования истёк срок годности! И у тебя истёк срок годности. Сижу в этой конторе, смотрю на вонючие базы данных вонючих роботов, и, как только мне приходит в голову хорошая идея...

— Хорошая идея?! — только и смог воскликнуть Ани.

— Да! Между прочим, она мне приснилась, как Менделееву таблица, — у Кати в глазах блеснули слёзы. — Послушай. Нужно сопоставить базу основной городской навигации с базой физических адресов, подключённых к маршрутизатору. Например, к маршрутизатору в этом «Макдаке». Тогда мы получим список адресов, не зарегистрированных в городской системе. Так? А почему они не зарегистрированы? Потому что — ну как вариант — это перебитые незаконным образом номера. Если, конечно, исключить спецслужбы.

— Я уже потерял нить. Тараторишь, как плохая реклама. Ты мне скажи... Доступ к этим базам... он у всех есть?

— У меня есть, — Катя сложила руки на груди.

— Нелегально, да?

— Легально... Шмегально! В твоей вонючей конторе каждая уборщица может получить доступ к чему угодно. Все клиентские данные лежат как на блюдечке. Кстати, о блюдечках. Знаешь, что роботы приносят в гостиничный номер Шейлы Джонсон?

— Это актриса?

— Актриса! Я тоже была бы актрисой, если б ты меня не устроил в вонючий...

— Ладно, — Ани поднялся. — Идём домой. Доела? Катя тоже встала и облизала соль с пальцев.

— Я иду к роботу. Если вдруг что, в первую очередь найми адвоката. Окей?

Катя вышла из-за стола и направилась к столикам у парапета. Ани взглянул туда, но разглядеть сидящих ему мешало солнце, пробивающееся в окна. Он видел только силуэты.

— Постой, — он схватил сестру за рукав, — зачем тебе целый робот?

— Будет кофе в постель носить. Что за вопрос вообще?

— Мы же не пьём кофе дома. Мы не можем позволить себе кофе.

— И не сможем позволить никогда, если ты продолжишь мной командовать.

— Тебе не хватает денег?

— Мне в наследство достался только старший брат, — сказала Катя. Тихо, но с какой-то странной злобой. Ани никогда не слышал, чтобы она говорила таким голосом. — Отпусти руку, или я закричу.

Ани знал, что она и правда закричит. Катя никогда не стеснялась. В кого она была такой? Родители — Ани хорошо помнил времена, когда они были живы, — удивлялись. Из всей семьи только Катя считала деликатность

качеством полезным, но необязательным — чем-то вроде подтяжек. Ани отпустил руку. Катя ушла к столикам у парапета.

Ани плюхнулся обратно на диванчик и стал краем глаза следить за сестрой. Он нащупал на сиденье куртки — свою и сестры, — чтобы в случае чего быстро схватить и убежать, но почувствовал себя глупо: можно ли вообще незаметно убежать из «Макдональдса»? Кругом камеры. Наверняка и охрана есть. Он отложил куртки — они были ещё влажными от недавно прошедшего дождя. Это в «Макдональдсах» всегда хорошая погода, а в Москве всё же октябрь.

Он почувствовал себя человеком, который ищет потерявшегося ребёнка в огромном офисном здании. Куда идти — непонятно. Он больше не мог приказывать сестре. Он не мог переспорить её. Не мог уговорить её. Куда бы он ни повернул, за поворотом был пустой коридор и не было его сестрёнки. По крайней мере, её прежней. Новая Катя говорила незнакомым голосом незнакомые слова. Управлять ею было не проще, чем машиной без автопилота. Чуть тронул педаль — она рычала, рвала с места и неслась прямо в бетонную стену.

«Адвоката найми, — подумал он. — Совсем свихнулась. Что я ему скажу, этому адвокату? Где я его возьму? Ещё немного, и связывать меня с этой барышней будет только фамилия».

И имя, кстати. «Ани» — старший брат по-японски. Это прозвище приклеилось к нему благодаря Кате.

Друзья вслед за ней тоже стали звать его Ани. Потом и коллеги. И все остальные. Потом выяснилось, что правильно говорить «онии-чан», но было поздно. Сам он иногда забывал, как его зовут на самом деле: Андрей или, может быть, Антон. Когда у тебя младшая сестра, от которой искры летят, ничего не успеваешь, кроме как заботиться о ней. Не успеваешь даже заметить, как она перекраивает тебя под себя и даёт новое имя. Он не противился — до тех пор, пока Катя, пусть брыкалась и ругаясь, но шла намеченным путём. Старшая школа и первая работа. Если закрыть глаза на дурацкую подростковую мечту стать актрисой, она вставала на ноги. И пусть на ногах — ядовито-зелёные сапожки, пусть она зовёт брата Мосмозгоконтролем, это пройдёт с возрастом. Если, конечно, Катя благополучно повзрослеет...

Катя вернулась.

Ани подскочил.

— Ну что?

Катя была озадачена. Она села за стол, стала подбирать пальцем соль от жареной картошки и слизывать её, задумчиво глядя перед собой.

— Ну так что?

— Я инициировала вербальный контакт. В смысле, поздоровалась. Он сидел один. Противоугонных алгоритмов не было, иначе стал бы кричать, что позвёт полицию. Просто поздоровался в ответ. Я достала планшет и начала перебирать протоколы, по которым в него можно влезть...

Катя замолчала.

— Ну и? Влезла?..

— Нет, не стала.

Катя выглядела смущённой и напряжённой, что было редкостью. Такой она становилась, только когда просила его застегнуть молнию на спине.

— И? Почему? Давай так: или ты мне всё рассказываешь, или я тебе не помощник.

— Он предложил мне пойти на пробы.

— Пробы?

— На киностудии. Кастинг в молодёжную драму. Сказал, что я красивая. У меня нестандартная внешность, как у Одри Хепбёрн — была такая актриса, ты не знаешь. У меня большой нос, но я красивая. Ещё сказал, у меня есть чувство стиля. И берет хорошо подобран. Попросил что-нибудь ему прочитать.

— И ты, конечно, прочитала, — сказал Ани.

— М-м-м... Угу, — сказала Катя тихо, не глядя на брата.

— С выражением.

— Угу.

— И ему понравилось.

— Угу. Очень.

— Так... то есть он не будет носить кофе в постель — это отменяется?

— Я подумала: если его угнать... такой шанс пропадёт.